

АМИНА АСНАДОВА

ДОРОГА

к Тебе

Амина Асхадова

Дорога к тебе

<https://litres.ru/74218018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я села в поезд Москва — Новосибирск и никак не ожидала, что в двухместном купе моим попутчиком окажется бывший муж.

— Ты?!

Я широко раскрываю глаза.

— Ты ты что, запрыгнул в поезд?

— А у меня был выбор? Ты пнула в сугроб мой чемодан, — рокошет он.

— Нечаянно.

Он смотрит так, что мне самой не верится в это «нечаянно».

— Ты думала, что из-за твоей выходки я пропущу свадьбу нашей дочери?

— Ничего, из-за своей измены ты пропустил десять лет ее жизни!

Он делает шаг, но я загораживаю путь.

— Это мое купе! — говорю ему.

— Это и мое место тоже.

— Не может быть

— Может, милая жenuшка!

— Бывшая!

— Милая бывшая женушка, — ухмыляется бывший муж.

Он отодвигает меня в сторону.

Проходит в купе.

И поворачивает защелку СВ.

Я автоматически отступаю вглубь, пока не упруюсь бедрами в край столешницы.

— Это что, какая-то шутка? Мы будем ночевать в одном купе?

— В одном купе. Три дня и две ночи. Совершенно одни, — подтверждает мои опасения бывший муж и начинает раздеваться.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Амина Асхадова

Дорога к тебе

Я села в поезд Москва — Новосибирск и никак не ожидала, что в двухместном купе моим попутчиком окажется... бывший муж.

— Ты?!

Я широко раскрываю глаза.

— Ты... ты что, запрыгнул в поезд?

— А у меня был выбор? Ты пнула в сугроб мой чемодан, — рокошет он.

— Нечаянно.

Он смотрит так, что мне самой не верится в это «нечаянно».

— Ты думала, что из-за твоей выходки я пропущу свадьбу нашей дочери?

— Ничего, из-за своей измены ты пропустил десять лет ее жизни!

Он делает шаг, но я загораживаю путь.

— Это мое купе! — говорю ему.

— Это и мое место тоже.

— Не может быть...

— Может, милая женушка!

— Бывшая!

— Милая бывшая женушка, — ухмыляется бывший муж. Он отодвигает меня в сторону.

Проходит в купе.

И поворачивает защелку СВ.

Я автоматически отступаю вглубь, пока не упруюсь бедрами в край столешницы.

— Это что, какая-то шутка? Мы будем ночевать... в одном купе?

— В одном купе. Три дня и две ночи. Совершенно одни, — подтверждает мои опасения бывший муж и начинает раздеваться.

Глава 1

Александра

Если я опоздаю на этот поезд — я себе этого никогда не прощу.

Именно с этим девизом я бегу по перрону, утопая каблуками в рыхлом снегу, и проклиная все на свете: зиму, метель, московские пробки и себя — за то, что до последнего надеялась на самолет.

В аэропорту рейсы то переносили, то отменяли. Табло мигало красным, люди спали на чемоданах, а я понимала одно: если буду ждать у моря погоды — рискую пропустить свадьбу собственной дочери.

Поезд — это надежно, и он точно доедет, поэтому я решила больше не ждать самолета, а отправиться в Новосибирск прямо на поезде. Да, я приеду впритык к свадьбе, но хотя бы приеду и не подведу собственную дочь.

— Только бы успеть... — выдыхаю я в шарф, перехватывая ручку чемодана.

У меня их два. Один — с пышным платьем на свадьбу, чтобы не помялся. Второй — с подарком. И оба, кажется, весят как я сама, поэтому мне так тяжело их тащить.

Еще эта метель хлещет в лицо, и снег забивается в ресницы...

Я чувствую, как горят щеки — то ли от мороза, то ли

от нервов. Наверное, я выгляжу сейчас комично: взрослая тридцатисемилетняя женщина, руководитель отдела, в шубе и с идеальной укладкой кудрей, скачет по перрону, как студентка, опаздывающая на сессию.

Но я правда не могла уехать раньше. Работа, контракты, люди — все это зависит от меня. А дочь — восемнадцатилетняя, самостоятельная и упрямая захотела играть свадьбу именно зимой, только сказав в трубку:

— Мам, не опоздай на мою свадьбу. Пожалуйста.

Она уже два года живет в Новосибирске с бабушкой, учится и строит свою взрослую жизнь. И вот — свадьба. Моя девочка выходит замуж. Эта новость была как гром среди ясного неба...

Я ускоряюсь, чтобы не опоздать.

И в этот момент врезаюсь во что-то твердое.

Точнее — в кого-то.

Удар такой, что я едва не падаю, чемодан заносит в сторону, а сумка съезжает с плеча.

— Вы что, совсем... — вырывается у меня. — Смотрите, куда прете! Я вообще-то на свадьбу к дочери опаздываю!

Я поднимаю глаза.

И время делает резкий, болезненный рывок назад...

Это *он*.

Я прищуриваюсь, будто не верю собственному зрению.

— Ты?!

Это Паша.

Словом, мой бывший муж...

Он стоит передо мной, такой же высокий, только чуть поседевший на висках. В темном пальто, с шарфом, который я когда-то выбирала ему сама. Глаза — те же... слишком знакомые...

Он замирает.

— Саша?..

Голос ниже, чем в памяти. Спокойнее. Но в нем — та же легкая хрипотца, от которой когда-то у меня подгибались колени.

Ключевое слово — когда-то.

— Ты все так же прешь напролом, как... баран! — бросаю я, чувствуя, как внутри что-то сжимается.

Он моргает, потом усмехается.

— А ты все так же сначала говоришь, потом думаешь.

Ах вот как.

— Если бы некоторые десять лет назад сначала думали, а потом... — я осекаюсь. — Впрочем, неважно. Чего тебе надо?!

Он иронично кривит губы:

— Это ты на меня налетела...

Метель завывает сильнее. Где-то позади проводница уже торопливо подзывает последних пассажиров, а на вокзале оповещают о том, что заканчивается посадка на пассажирский поезд Москва - Новосибирск.

— Ты на поезд? — спрашивает он, меняя тему.

— Нет, просто решила побегать по перрону в минус пятнадцать, — огрызаюсь я. — Конечно, на поезд! В Новосибирск...

Он смотрит на меня чуть внимательнее.

— На свадьбу?

Я стискиваю зубы.

— Да. Представь себе.

Он кивает. Спокойно. Слишком спокойно.

— Я тоже.

Конечно, он тоже. Глупый вопрос, дочь-то у нас общая...

— Надеюсь, ты опоздаешь, — выпаливаю я, сама не ожидая от себя такой детской злости.

Он приподнимает бровь.

— Саша, тебе тридцать семь.

— И что?

— Пора бы повзрослеть, Сашка.

— Я повзрослела, — цежу ему. — Благодаря тебе. И не зови меня Сашкой...

Внутри поднимается старая волна обиды — та самая, соленая, тяжелая. Десять лет прошло, а я до сих пор помню, как мир тогда рассыпался. Наш крепкий брак. Наши планы. Наши «навсегда».

— Ты все еще злишься, — тихо говорит он.

— Я опаздываю, — отрезаю я. — Мне даже злиться некогда!

Одна случайная командировка. Одна женщина. И развод,

после которого я больше не смогла смотреть на него прежними влюбленными глазами.

Не знаю, зачем я это делаю, но я с силой пинаю его чемодан, который стоит у самых ног. Он скользит по льду и эффектно заваливается в сугроб.

Паша смотрит на меня так, будто я только что подожгла его дом.

— Саша!

— Надеюсь, ты тут и останешься, — бросаю я и хватаю свои чемоданы. — А риведерчи, Захаров!

Проводница уже поднимается в вагон.

— Девушка, вы на поезд?

— Да! Я последняя! — кричу, запыхавшись.

— Быстрее! Посадка закончилась!

Я почти бегу. Сердце колотится, снег скрипит под ногами. До отправления — считанные секунды.

Я чудом влетаю в вагон вместе с чемоданами, передаю билет и слышу, как за моей спиной закрывается дверь.

Поезд дергается.

Я поворачиваюсь к окну и вижу его.

Паша вытаскивает чемодан из сугроба, отряхивает снег и только после этого поднимает голову. Наши взгляды встречаются.

Я улыбаюсь. Медленно. Ехидно.

Ну что, дорогой бывший муж! Не успел?

Поезд начинает набирать ход, и перрон медленно уезжает

назад.

Я позволяю себе победный выдох.

— Успела, — шепчу я, поправляя кудри и чувствуя, как внутри разливается странное, почти девчачье удовлетворение.

Десять лет назад он разрушил мою жизнь.

Сегодня я хотя бы выиграла эту маленькую гонку.

Я отворачиваюсь от окна, не подозревая, что судьба — та еще шутница, и что наше путешествие только начинается.

Глава 2

Я иду по узкому коридору вагона, а колеса мерно стучат под ногами, пока я волочу за собой чемоданы и ищу свои места.

Вообще я мечтала выкупить купе целиком. Хотела ехать одна — с книгой, с мыслями, с бокалом чая в подстаканнике. Но когда я, дрожа от злости в аэропорту, зашла на сайт, в поезде до Новосибирска оставалось одно-единственное место. И то — в СВ. Все остальные, даже плацкартные и купе, были уже раскуплены.

Судьба, как всегда, решила не давать мне выбора.

Впрочем, в спальном вагоне всего два места, закрывающаяся дверь и минимум людей — то, что нужно.

Я нахожу свой СВ, открываю дверь и... улыбаюсь.

Внутри — никого.

Ни сумок, ни пальто, ни чужих ботинок под столиком.

Поезд уже тронулся, а это значит, как минимум до следующей станции я еду одна.

— Спасибо, судьба, — шепчу я в пространство и захожу внутрь.

Закрываю дверь. Поворачиваю защелку.

Тепло. Тихо. Лампа мягко освещает полированные панели. Две аккуратные полки для сна, столик у окна, белоснежное белье в упаковке.

Я ставлю чемоданы, снимаю шубу, аккуратно вешаю ее на крючок. Волосы чуть растрепались от метели, но кудри все равно держат форму. Я провожу пальцами по румяной щеке — все еще холодная.

Фух, успела.

Достаю телефон и печатаю:

«Села в поезд. Все хорошо. Не опоздаю», — пишу дочери.

Ответ приходит почти сразу:

«Фух. Люблю тебя, мам».

Я улыбаюсь. Ради этого стоило бежать по сугробам.

И следом прилетает сообщение:

«До папы что-то не могу дозвониться. Надеюсь, он не опоздает».

Укол совести слегка царапает меня, но я быстро отвлекаюсь.

Я раскладываю вещи с почти хозяйской обстоятельностью. Платье аккуратно на плечики. Косметичку — на полку. Подарок — под сиденье, чтобы не мешался. Достаю домашний костюм, мягкие носки.

Вечереет. За окном темнота и снежная пыль, а в стекле отражается мое лицо — спокойное, даже немного довольное.

Я присаживаюсь на нижнюю полку, вытягиваю ноги.

Папа.

Странно, но мысль о нем уже не жжет. Перрон остался позади. Он — тоже.

Наверное, не успел.

Наверное, сейчас злится.

Наверное, проклиная меня.

Я тихо фыркаю.

Десять лет назад я проклинала его куда серьезнее, поэтому... черт с ним!

— Да, черт с ним, — повторяю вслух.

Вместе с этим в дверь раздается стук.

Резкий. Глухой. Сильный.

Я подсказываю так, что почти ударяюсь головой о стену.

Стук повторяется. Настойчивый. Тяжелый.

Я хмурюсь.

— Кого это там пронесло?..

Проводница? Но они так не стучат. У них мягкий, вежливый ритм.

А здесь — будто кто-то требует...

По коже пробегает тонкая струйка холода.

Я подхожу к двери и на секунду замираю. Сердце начинает стучать быстрее, чем колеса под вагоном.

Открываю и...

О, Паша...

Стоп!

Что?

ПАША?!

Он стоит прямо передо мной.

Мокрый. Запыхавшийся. Волосы прилипли ко лбу, пальто темное от растаявшего снега и легкой грязи, а на скулах

играют желваки.

— Ты?!

Я раскрываю глаза так широко, что они, кажется, сейчас выкатятся.

— Ты... что ты здесь делаешь?!

Он смотрит на меня тяжелым, почти темным взглядом.

— А ты как думаешь?!

Я машинально скольжу взглядом ниже.

Он делает шаг, но я загораживаю путь.

— Это мое купе! — говорю ему.

— Это и мое место тоже, — повторяет он. — И я буду ехать здесь. Двое суток.

— Не может быть...

— Может, милая женушка!

— Бывшая! — поправляю его.

— Милая бывшая женушка, — ухмыляется бывший муж.

И прежде чем я успеваю сообразить, он делает шаг вперед. В мое купе.

Его рука — теплая, жесткая — ложится мне на плечо, не больно, но уверенно. Он отодвигает меня в сторону и проходит в купе.

Дверь закрывается с глухим щелчком.

Он поворачивает защелку.

И мы остаемся вдвоем.

В СВ.

Пашино дыхание все еще сбито. От него пахнет морозом,

снегом и чем-то металлическим — будто адреналином.

— Я из-за тебя чуть не остался на перроне, — цедит он сквозь зубы. — Из-за тебя бросил чемодан. Я забирался на поезд, как воришка. По ступенькам, когда он уже шел.

Я моргаю.

— Ты... ты что, запрыгнул в поезд?

— А у меня был выбор? — голос у него ниже, чем обычно.
— Ты думала, что из-за твоей выходки я пропущу свадьбу нашей дочери?

— Ничего, из-за своей измены ты пропустил десять лет ее жизни!

Он делает шаг ко мне.

Потом еще один.

И цедит по слогам:

— Я. Ничего. Не пропускал.

Его фигура заполняет все пространство купе. Оно вдруг кажется слишком маленьким, слишком тесным для нас двоих.

Я автоматически отступаю и интересуюсь:

— Ну, а где твой чемодан?

Он криво усмехается. Не весело.

— Угадай, где он сейчас...

— Я не просила тебя бросать чемодан, — пытаюсь звучать спокойно.

— Ты пнула его в сугроб, Саша.

— Нечаянно.

Он смотрит так, что мне самой не верится в собственное «нечаянно».

А затем Паша приближается.

Я отступаю.

Шаг.

Еще шаг.

Пока не чувствую, как бедрами упираюсь в край столешницы.

Дерево холодное сквозь ткань одежды.

Я шумно сглатываю.

Паша нависает надо мной. Мокрое пальто темнеет в свете лампы, на висках капли воды. Глаза — горячие, злые... и... ироничные.

Его лицо слишком близко.

Я стою, прижатая к столешнице, чувствую тепло его дыхания и смотрю в глаза мужчине, которого когда-то любила больше жизни.

И который сейчас смотрит на меня так, будто готов либо придушить... либо сожрать.

— Это что, какая-то шутка? Мы будем ночевать... в одном купе?

— В одном купе. Три дня и две ночи. Совершенно одни, — подтверждает мои опасения бывший муж и начинает раздеваться.

Глава 3

Я первая отвожу взгляд, когда он стягивает с себя мокрое пальто.

Не потому что сдаюсь — а потому что иначе утону. В Пашиных глазах все слишком близко: злость, упрек, что-то болезненное, знакомое до дрожи. Десять лет — а я все еще помню, каким злым он становится, когда сдерживается из последних сил.

— Ты же любишь драматические появления, — чертыхается бывший муж.

— Я спешила на свадьбу нашей дочери. А если кто-то и любит драматические появления, так это ты.

Захаров усмехается уголком губ, но в этой усмешке нет легкости.

— Драматические появления? Саша, я запрыгивал на движущийся поезд. Из-за тебя. Ты понимаешь это вообще?

— Понимаю, — пожимаю плечами. — Ты всегда умел пролезать куда угодно. Без мыла и даже без приглашения.

Он резко выдыхает.

— Началось.

— Что «началось»? — я поднимаю подбородок. — Ты обвиняешь меня в том, что бросил чемодан? Я тебя за руку не тянула. Мог бы, не знаю... уговорить проводницу. Ты же у нас мужчина нарасхват! Харизма, обаяние! Люди перед то-

бой двери раздвигают... и не только двери...

— Хватит!

— А что такое? Я не права, Захаров?

Я слышу собственный голос — он становится тоньше, острее, чем я планировала. Но остановиться уже не могу. Слишком долго это лежало внутри, под аккуратной крышкой «я справилась».

— И десять лет назад тебе тоже не впадлу было... — я запинаюсь, но все равно договариваю, — найти, где пролезть.

Он смотрит на меня так, будто я ударила его.

— Ты серьезно сейчас?

— Абсолютно.

Я слышу, как он тихо чертыхается.

В купе становится душно. Я чувствую, как колеса под нами глухо стучат, как поезд разрезает ночь, а мы будто застряли в прошлом, в том самом году, когда я стояла перед полураздетой секретаршей моего мужа, и не могла понять, почему мир вдруг треснул пополам.

— Ты называешь меня... Кем ты меня называешь, черт возьми? — тихо спрашивает он.

Я усмехаюсь, хотя внутри все сжимается.

— А как тебя назвать, Паш? Святой? Мученик? Или, может, кобель — честнее?

Он делает шаг ко мне. Я не отступаю. На этот раз — нет.

— Дура, — срывается у него. — Я тебе не изменял! Сколько можно это повторять?!

Я чувствую, как в груди что-то вспыхивает.

— Не изменял? — я смеюсь, но смех выходит хриплым.

— А это что было? Командировка в Питер с акцией «прилагается полураздетая секретарша»? Я сама все видела, Паша. Своими глазами.

— Ты видела то, что хотела видеть! — его голос глухой, надломленный. — Ты даже не дала мне объяснить!

— Объяснить что? — я чувствую, как поднимается старая боль, густая, липкая. — Что это случайно? Что вы просто обсуждали отчеты в два часа ночи? Что она случайно вылила на себя кофе и оказалась полуголой, в твоей рубашке, в твоём номере? Классные у тебя коллеги...

— Она и была просто коллегой!

— Которая ночевала в твоём номере?

Он замирает.

— Она не ночевала.

— Я звонила тебе. Ты не отвечал.

— Потому что телефон сел!

— Удобно. Я как раз приехала и увидела все своими глазами!

Мы говорим все громче, но при этом не кричим. Это хуже. Это не скандал на кухне с битьем тарелок. Это десять лет сдержанной ярости, которая наконец нашла выход.

Паша проводит рукой по мокрым волосам, тяжело дышит.

— Ты подала на развод на следующий день, — говорит он тише. — Даже не выслушала меня.

— Потому что я не хотела быть женщиной, которой изменяют, — отвечаю я так же тихо. — Я не хотела жить и каждый раз думать: а вдруг снова? А вдруг я просто удобная?

— Ты никогда не была удобной, — он смотрит на меня прямо. — Ты была единственной.

У меня внутри что-то болезненно дергается.

— Единственной? — повторяю я. — Странно, что при «единственной» ты оказался в одном номере с секретаршей! Ночью!

— У нас был крупный проект! Мы работали! — он почти рычит. — И если бы ты дала мне тогда договорить...

— Она открыла мне дверь в твоей рубашке, Паш. Ну хватит придураться уже... — прошу его.

Он закрывает глаза на секунду, будто собирается с силами.

— Потому что она пролила на себя кофе. И я дал ей свою, чтобы она не шла по коридору в пятнах. Все. Но ты ведь не знаешь всей правды...

— Иди к черту со своей правдой, Паш! За дуру меня не держи!

Тишина повисает между нами, густая, как пар.

Я слышу только наше дыхание — рваное, неровное. Чувствую, как бешено стучит сердце. Я не знаю, что страшнее: если он врет... или если говорит правду.

Мы стоим слишком близко. Его рука почти касается моей. Я чувствую тепло его тела, запах холода и чего-то родного,

до боли знакомого.

Десять лет назад мы разошлись, как будто поставили точку.

А сейчас — будто снова спорим, как муж и жена, которые еще не решили, кто прав, а кто виноват. На повышенных тонах, не сдерживаясь и наплевав на всех, кто едет с нами в одном вагоне.

— За дуру я тебя никогда не держал!

— Ну, конечно!

— Да, ты просто дура!

— А ты тогда... кобель безмыльный!

— Чего-о?!

— То!

В этот момент дверь за спиной Захарова открывается.

Мы отшатываемся друг от друга почти синхронно, будто нас окатили холодной водой.

В проеме стоит проводница.

Глава 4

— Добрый вечер. Паспорта для проверки, пожалуйста.

Я ощущаю, как горят щеки — от недосказанности, от злости, от того, что нас только что видели такими. Слишком близкими. Слишком настоящими.

Паша первым приходит в себя. Нервно проводит ладонью по лицу, словно стирает с него все, что только что было сказано. В этом жесте — усталость, раздражение и что-то еще, похожее на бессилие.

Я машинально тянусь к сумке.

Паша — к внутреннему карману пальто.

— Вот, мой паспорт, — глухо произносит он и протягивает документ проводнице.

Я делаю то же самое. Пальцы чуть подрагивают, и я злюсь на себя за эту слабость.

Проводница — женщина лет пятидесяти, с аккуратно уложенными волосами и внимательным взглядом — берет наши паспорта и смотрит на нас так, будто перед ней не пассажиры, а герои затянувшегося сериала. Я почти уверена: она слышала все. И, скорее всего, не только она.

Стенки у СВ, конечно, плотные, но голоса мы не понижали.

Она перелистывает страницы, проверяет данные и, возвращая паспорт Паше, мягко говорит:

— Мужчина, вам бы в уборную зайти. Пальто все мокрое. Простудитесь.

Паша принимает документ, даже не глядя на нее.

— Непременно воспользуюсь, — отвечает он сухо.

И бросает на меня взгляд — темный, острый, как зимний ветер за окном.

Я чувствую этот взгляд кожей.

Проводница отдает паспорт мне. Я машинально благодарю и только сейчас, когда ее слова оседают в голове, начинаю понимать.

Она не уточнила, кто где едет.

Она не спросила, чьи вещи чьи.

Она просто... приняла нас как пару.

Медленно, неприятно медленно до меня доходит вся картина.

Я смотрю на вторую полку. На аккуратно сложенный комплект белья. На его мокрое пальто. На его сумрачное присутствие в этом тесном пространстве.

И вдруг спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал спокойно:

— Подождите... Это правда не шутка? У нас что, одно купе на двоих?

Проводница смотрит на меня с легким удивлением.

— Конечно. СВ. Два места. Ваши фамилии в одном отсеке.

— Это какая-то ошибка, — слова вырываются быстрее,

чем я успеваю их отфильтровать. — Такого быть не может. Почему из всего вагона нам достались совместные места?

Она едва заметно поджимает губы.

— Никакой ошибки нет. Билеты оформлены корректно. Других свободных мест в поезде не было.

Она переводит взгляд с меня на Пашу — в этом взгляде читается что-то вроде «разбирайтесь сами» — и, вежливо кивнув, выходит из купе, только предупредив напоследок:

— Время уже позднее. Постарайтесь не шуметь, вас в конце вагона слышно!

Проводница оглядывает нас хмурым взглядом и резко закрывает дверь.

Тишина.

Я стою посреди маленького пространства, которое внешне кажется слишком тесным, и чувствую, как внутри все сжимается.

До Новосибирска ехать несколько суток.

Ехать вдвоем. С бывшим мужем.

Я что, попала в ад?

Паша устало выдыхает и, будто подтверждая мою самую неприятную мысль, аккуратно вешает пальто рядом с моей шубой — так близко, что ткани касаются друг друга.

Он проводит рукой по лицу еще раз и садится на противоположную полку. Его движения спокойные, размеренные, как у человека, который уже смирился.

А я — нет.

— Это невозможно, — говорю я тихо, больше себе, чем ему. — Я не собираюсь ехать вместе... в одном купе...

Он поднимает на меня глаза. В них нет прежней ярости. Только усталость и какая-то странная, почти ироничная покорность.

— Поезд уже идет, Саша.

— Я попрошу проводницу поменять нас местами с кем-нибудь из соседних спальных вагонов.

Он чуть приподнимает бровь.

— Удачи.

Это «удачи» звучит не как насмешка, а как констатация факта. И от этого мне еще больше хочется доказать, что я могу все изменить. Что я не обязана проводить несколько суток напротив мужчины, который десять лет назад разрушил мой мир.

— Я не буду спать с тобой в одном купе, — бросаю через плечо.

— Куда ты денешься?

Я упрямо хватаюсь за ручку двери.

— Саша, — устало произносит он, — мы уже спали вместе. И ничего страшного не случилось.

Я замираю на секунду.

Вот теперь в его голосе — легкая провокация.

— Десять лет назад, — отвечаю я, поворачиваясь к нему. — И тогда все-таки случилось. Наш «недобрак».

Его лицо на мгновение каменеет, но я не даю себе време-

ни передумать. Резко открываю дверь, выхожу в коридор и захлопываю ее за собой так, что стекло в рамке едва заметно дрожит.

Поезд мчится в ночь.

А я иду искать проводницу — и хоть какую-то возможность не ехать эти несколько суток вместе с Пашей.

Глава 5

Я иду по коридору так быстро, будто за мной гонятся.

На самом деле — да.

Не Паша, конечно же, а мысль о том, что мне придется вернуться в наш спальный вагон и делить его с бывшим мужем.

Я нахожу проводницу в служебном отсеке. Она наливает себе чай из металлического чайника, и от кружки поднимается пар.

— Извините, — начинаю я, стараясь говорить спокойно, взросло, без истерики. — Можно поменять мое место на любое другое? Даже не СВ! Я даже доплачу...

Она смотрит на меня с сочувствием человека, который видел в поездах все.

— Понимаю, — мягко отвечает она. — Но я такими полномочиями не обладаю. Все места заняты. Через сутки несколько пассажиров выходят, тогда смогу что-то предложить.

— Через сутки? — повторяю я, будто это приговор. — Мне нужно сейчас.

Она качает головой.

— Сейчас — никак.

Я благодарю ее сквозь зубы и выхожу в коридор. Колеса стучат под ногами, поезд слегка покачивается, а у меня внут-

ри растет упрямое, почти детское: нет, я не сдамся.

Если нельзя официально — значит, буду договариваться.

Первое СВ.

Я стучу, улыбаюсь пассажирам, объясняю ситуацию без подробностей. Мол, сложились обстоятельства, очень нужно поменяться.

Внутри — молодая пара. Девушка с пледом на плечах и мужчина, который уже достал ноутбук.

— Простите, — улыбается она неловко. — Мы специально брали места вместе.

— Медовый месяц, — добавляет он и чуть крепче обнимает ее за плечи.

Я извиняюсь и иду дальше.

Второе СВ.

Две подруги лет сорока, бутылка лимонада на столике, тихий смех.

— Ой, нет-нет, — качает головой одна. — Мы год не виделись, специально выбрали купе вдвоем.

Третье СВ.

Пожилая супружеская пара. Он читает газету, она вяжет.

— Мы тридцать лет вместе ездим, — говорит женщина мягко. — Нам так привычнее.

Каждый ответ — вежливый. Спокойный. Окончательный.

Я уже почти не чувствую щек от натянутой улыбки. Поезд покачивается, коридор кажется длиннее, чем должен быть.

Я даже начинаю предлагать деньги.

— Я доплачу, правда. Любую сумму.

И в этот момент за моей спиной раздается знакомый голос.

— Может, хватит уже позориться и надоедать людям?

Я застываю.

Медленно оборачиваюсь.

Паша стоит в проходе, опираясь плечом о стену, руки сложены на груди. Волосы уже подсохли, лицо спокойнее, но в глазах — насмешка. И что-то еще. Раздражение? Боль?

— Ты не видишь, что никто не хочет с тобой меняться?
— добавляет он.

Я выхожу из чужого купе, благодарю пассажиров и почти сталкиваюсь с ним в узком проходе.

— А ну дай пройти, — цежу я. — Я пойду в другой вагон. Там сто процентов кто-то захочет обменяться. Я еще и деньги за это могу заплатить.

Он не двигается.

Только смотрит сверху вниз.

— Саша, — произносит он тихо, — ты что, меня так боишься?

Я нервно усмехаюсь и отвожу взгляд к окну. За стеклом — черная ночь и редкие огни станций, которые поезд проходит, не сбавляя скорости.

— Я вообще-то ничего не боюсь, — отвечаю я. — И тебя уж тем более. Я просто не хочу ехать с тобой в одном помещении.

— Почему? — спрашивает он неожиданно спокойно. — Думаешь, я тебя съем этой ночью?

Я чувствую, как внутри вспыхивает раздражение.

— Не льсти себе.

— Тогда в чем проблема?

Я смотрю на него.

Проблема в том, что десять лет — это не срок, если не поставлена точка.

А точка не поставлена. Мы развелись быстро и ветрено, поэтому никаких точек не было.

Но я не скажу этого.

— Проблема в том, что мне с тобой некомфортно, — признаю я холодно. — И я не обязана терпеть это несколько суток.

Он делает шаг ближе. Коридор узкий, нам приходится стоять почти вплотную.

— А я, значит, обязан? — тихо спрашивает он. — Ты думаешь, мне легко?

Я удивленно моргаю.

— Это ты ко мне пришел в купе.

— Потому что там мое место, — напоминает он.

Я сжимаю губы.

— Тогда будь добр, уступи его.

— Нет.

Просто. Спокойно. Без крика.

И от этого «нет» во мне что-то взрывается.

— Ты всегда был таким, — говорю я, чувствуя, как голос дрожит от сдерживаемых эмоций. — Упрямым. Невыносимым. Думаешь только о себе, Захаров!

— А ты всегда бежишь, — отвечает он так же тихо. — Вместо того чтобы остаться и поговорить.

Слова задевают глубже, чем я ожидала.

Поезд резко покачивается, и я на секунду хватаюсь за поручень. Он автоматически тянется ко мне, но я отдергиваю руку.

— Не трогай меня!

Он медленно опускает ладонь.

— Саша, — говорит он устало, — это всего лишь поезд. Всего лишь несколько суток.

— Для тебя — может быть, — отвечаю я. — А для меня это снова оказаться запертой в четырех стенах с человеком, который однажды разрушил все!

Он смотрит на меня долго.

— Я ничего не разрушал, — тихо говорит он. — Ты просто не захотела мне поверить.

Между нами повисает пауза. Тяжелая, как зимний воздух на перроне.

Я первая отворачиваюсь.

— Отойди, — прошу я уже тише. — Мне нужно идти дальше.

Он наконец делает шаг в сторону, освобождая проход.

— Иди, — говорит он. — Обойди весь поезд. Предложи

всем деньги. Может, кто-то и согласится!

В его голосе — злорадство и уверенность, что я все равно вернусь, и это заставляет меня резко развернуться в его сторону.

Глава 6

— Ты что, решил, что победил? — спрашиваю я громче, чем собиралась.

Паша даже не делает вид, что удивлен.

— Саша, я ничего не выигрываю. Я просто еду на свадьбу дочери.

— Со мной в одном купе, — язвительно уточняю я. — Какая удача.

— Тебя никто не заставляет устраивать гастрели по вагону. Иди, устраивай дальше...

Его спокойствие действует на меня хуже, чем крик. В нем нет оправданий, нет вспышек — только эта чертова уверенность, будто он уже победил.

— Знаешь что? — я делаю шаг к нему. — Ты всегда так: сначала создаешь проблему, потом стоишь с умным видом и говоришь, что все само как-то произошло.

— Это я создаю проблему? — в его голосе впервые проскальзывает металл. — Я? Seriously?

— Конечно ты! — я уже не слежу за громкостью. — Десять лет назад ты «случайно» оказался в номере с секретаршей. Сегодня ты «случайно» оказываешься в моем купе. У тебя талант!

Дверь соседнего спального вагона приоткрывается. Молодая девушка из медового месяца выглядывает с раздражени-

ем.

— Можно потише? — просит она. — Мы вообще-то от-дыхать собирались.

Я киваю машинально, но меня уже несет.

— Счастливого медового месяца, девушка! А у нас здесь уже «десять лет спустя от медового месяца», вы бы послушали, может, и не торопились бы замуж!

Лицо девушки вытягивается, а я поворачиваюсь к бывшему мужу:

— А ты хоть раз в жизни можешь взять ответственность? — продолжаю я, игнорируя чужие взгляды. — Или тебе всегда удобно, когда кто-то другой виноват?

Паша делает шаг ко мне.

— Хватит, — говорит он низко. — Ты сейчас говоришь ерунду.

— Ерунду? — я смеюсь резко. — Ты разрушил семью, а теперь называешь это ерундой?

— Я не разрушал! — он уже не сдерживается. — Это ты решила, что все кончено!

— Потому что ты меня унизил!

— Я тебя не унижал!

— Ты мне изменил!

— Дура! Я тебе не изменял!

— Изменял! Кобель...

Голос мой срывается. Его — гремит.

Из соседнего купе выходят те самые подружки с лимонадом

и смотрят на нас с явным весельем.

— Слушайте, ну у вас и Санта-Барбара! — бросает одна из них. — Но вы бы заканчивали, а то мы спать собирались...

— Простите, — автоматически отвечает Паша, но я вижу, как у него сжимаются челюсти.

Я отворачиваюсь, собираясь уйти дальше по вагону, но он внезапно хватает меня за плечо.

Не больно. Но резко.

— Остановись, — говорит он. — Хватит бегать по вагонам!

Я будто обжигаюсь.

— Не смей меня трогать! — и в следующую секунду ударяю его по руке.

Звук шлепка звучит громко в узком коридоре.

Он замирает.

В его глазах на мгновение вспыхивает что-то опасное, но он не отвечает. Только усмехается — той самой ироничной, сводящей меня с ума усмешкой.

— Вот видишь, — тихо говорит он. — Ты все еще реагируешь.

— А ты все еще провоцируешь!

В этот момент появляется проводница. Лицо ее больше не мягкое и сочувственное.

— Что здесь происходит?

Мы оба начинаем говорить одновременно.

— Ничего!

— Небольшое недоразумение!

— Я все слышала, — отрезает она. — И не только я. Если вы сейчас же не успокоитесь, мне придется высадить вас на ближайшей станции. И вы вообще никуда не поедете.

Слова проводницы падают, как ледяная вода на голову нам с Пашей.

Высадить на ближайшей станции.

Я представляю: ночь, снег, маленькая станция где-нибудь в глуши. И свадьба дочери, на которую мы оба не попадем.

— Это первое предупреждение, — продолжает она строго. — После второго я имею право снять вас с поезда. Вам все понятно?

Паша первым кивает.

— Не нужно нас снимать. У моей дочери свадьба.

Я сглатываю.

— Да. И у моей.

— У нашей, — поправляет Паша. — У нас одна дочь. Общая.

Проводница смотрит на нас еще секунду, будто проверяя, не взорвемся ли мы снова, и уходит.

Коридор постепенно пустеет. Двери закрываются. Пассажиры возвращаются к своим разговорам.

Тишина становится почти осязаемой.

Я чувствую, как во мне все еще кипит, но вместе с тем приходит холодное осознание: я зашла слишком далеко.

— Ты довольна? — тихо спрашивает Паша.

— Нет, — отвечаю честно.

Он смотрит на мою руку, которой я его ударила, потом на меня.

— Ты стала злее.

— А ты — нет?

Он чуть качает головой.

— Я устал, Саш.

От этих слов почему-то становится не легче.

Я отворачиваюсь.

— Я возвращаюсь в купе.

— Иди, — отвечает он спокойно.

Я делаю несколько шагов, потом слышу за спиной его голос:

— Я в уборную. Надо хоть пальто отмыть. А то вдруг ты снова решишь, что я где-то пролез.

Я не отвечаю и прохожу мимо него, до конца ощущая его взгляд на своей спине. Закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Сердце все еще колотится. Ладони дрожат.

Нам ехать еще несколько суток.

И у нас уже первое предупреждение.

Я медленно опускаюсь на полку и понимаю: если мы не научимся молчать — нас действительно высадят.

И тогда эта поездка закончится раньше, чем мы успеем разобраться, кто из нас на самом деле разрушил брак.

Глава 7

В купе тихо.

Поезд мягко покачивается, лампа под потолком светит желтым рассеянным светом, а за окном — сплошная черная глубина, изредка прорезанная огнями далеких станций.

Я сижу на своей полке, подтянув ноги, и впервые за этот сумасшедший вечер позволяю себе просто выдохнуть.

Где-то в конце вагона шумит вода — Паша в душе. Наверняка отмывает свое пальто и себя.

А я остаюсь наедине с прошлым и воспоминаниями.

Мне было восемнадцать с небольшим, когда я впервые увидела Пашу.

Он пришел к моей подруге на день рождения — старше меня на четыре года, уверенный, с этой своей спокойной полуулыбкой. Я тогда только поступила на первый курс, носила длинные кудри без всякой укладки и была уверена, что мир огромный и добрый.

Паша весь вечер смотрел на меня так, будто вокруг него никого больше не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.